

МАРКИЗ

де САД

ЖЮСТИНА,
ИЛИ НЕСЧАСТЬЯ
ДОБРОДЕТЕЛИ

18+

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад

**Жюстина, или
Несчастья добродетели**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1791

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

де Сад Д.

Жюстина, или Несчастья добродетели / Д. де Сад — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», 1791 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153614-5

Романы де Сада считались излишне скандальными и откровенными даже по меркам фривольного XVIII века, и за свои взгляды, идеи и поступки маркиз не раз оказывался за решеткой. Именно сидя в заключении в Бастилии, он написал «Жюстину» — одно из первых своих произведений в принципе и первый роман, который ему позволили опубликовать. Правда, без указания авторства. После смерти родителей набожная Жюстина была бы счастлива провести всю оставшуюся жизнь в монастыре, но судьба распоряжается иначе. Бедная сирота вынуждена покинуть стены обители и оказывается в самом эпицентре разврата. Все окружающие без стеснений обманывают, грабят, убивают и предаются плотским утехам. Девушка устраивается в служанки к самой распутной женщине во всем Париже, попадает в тюрьму и против своей воли становится членом шайки жестоких головорезов, но все это время старается сохранять добродетель и порядочность. Но сможет ли Жюстина и дальше оставаться благочестивой, если, кажется, само ее выживание зависит от обратного? В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-153614-5

© де Сад Д., 1791

© ФТМ, 1791

© Издательство АСТ, 1791

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Маркиз де Сад

Жюстина, или Несчастья добродетели

© Перевод. Е. Храмов, наследники, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

*Тот не преступник, кто изображает Поступки,
что Природа нам внушает.*

Глава первая

Введение. Брошенная Жюстина

Подлинной философии следовало бы состоять в том, чтобы раскрывать все способы и средства, которыми располагает Провидение для достижения целей, возложенных им на человека, и вслед затем намечать какие-то черты поведения для несчастного, идущего по тернистой дороге жизни, предостерегать его против всяких причудливых капризов того, что называют то Судьбой, то Роком, то Предопределением, то Случаем, хотя все эти определения столь же ошибочны, сколь и лишены здравого смысла и только затмевают рассудок.

Так, полные пустого, смешного, суеверного почтения к нашим абсурдным условностям, мы, добродетельные люди, встречаем только тернии там, где злодеи срывают розы. Порочные от рождения или ставшие таковыми разве не убеждаются, что они правы, когда больше рассчитывают на уступку пороку, нежели на сопротивление ему? И нет ли известной правоты в их утверждениях, что добродетель, сколь бы прекрасной она ни была, слишком слаба, чтобы победить порок, что в этой борьбе она испытывает жесточайшие удары, и не лучше ли в наш развращенный век поступать так, как поступает большинство? Не правы ли те, кто, ссылаясь на ангела Жерада или Задина, утверждают, что всякое зло непременно служит добру и, следовательно, погружение в порок является лишь одним из способов творить добрые дела? И не правы ли они, прибавляя к этим рассуждениям еще и то, что природе абсолютно безразличны наши моральные принципы, и поэтому гораздо лучше быть преуспевающим злодеем, чем погибающим героем?

И вот – нимало не скрывая этого – только для того, чтобы подкрепить эти рассуждения, решаемся мы представить публике историю добродетельной Жюстины. Пора наконец дуракам перестать кадить этому смешному идолу добродетели, который расплачивался с ними до сих пор только неблагодарностью. Согласимся, что ужасно рисовать, с одной стороны, те сокрушительные несчастья, которые Небо обрушивало на существо прелестное и чувствительное, несомненно, заслуживающее лучшей участи, а с другой – изображать тот поток благодетей, который изливался на мучителей и истязателей нашей героини. Но писатель достаточно мудрый, чтобы провозглашать истину, пренебрегает этими трудностями и, будучи жестоким по необходимости, смелой рукой срывает все занавесы, которые пошлость набрасывает на фигуру добродетели, и показывает человеку, не ведавшему, как он обманут, все радости и сладости того, что глупцы и пошляки именуют развратом.

Таковы чувства, руководившие нами в этом труде, таковы мотивы, заставившие соединить с языком самым циничным самые дерзкие теории, самые грязные, самые безнравственные мысли. Мы хотели изобразить преступление таким, какое оно есть, – торжествующим, счастливым, упоенным собой. Мы хотели изобразить добродетель такой, какой мы встречаем ее в жизни, – всегда униженной, всегда страдающей, всегда стойкой и всегда несчастной.

Жюльетта и Жюстина, дочери весьма богатого парижского банкира, с самого раннего детства воспитывались в одном из прославленных монастырей Парижа. Они не знали недостатка ни в добрых советах, ни во внимательных учителях – мораль, честь, религия и таланты, казалось, соревновались друг с другом, чтобы сформировать эти юные души.

И вот все это рухнуло в один момент. Жюльетте было пятнадцать, а Жюстине четырнадцать лет, когда ужасающее, непоправимое банкротство обрушилось на их отца. Он не выдержал такого удара и умер от нервной горячки; супруга пережила его всего несколькими днями. У двух сирот оставались только очень дальние родственники, совершенно равнодушные к судьбе детей. Им вручили их долю наследства – она составила около ста экю для каждой, – открыли двери монастыря и предоставили делать все, что заблагорассудится.

Старшая из сестер, прехорошенькая, легкомысленная шалунья Жюльетта, совершенно обезумела от радости покончить с монастырским прозябанием, ничуть не думая об обратной стороне выпавшей на ее долю участи. Более наивная, но и более красивая Жюстина, которой, как мы уже сказали, исполнилось четырнадцать лет, была одарена от природы характером меланхолическим, и будущее страшило ее. Старшая была изящна и остроумна, младшая обладала душой необычайно чувствительной и нежной до беззащитности. Вместо ловкости старшей у младшей было простодушие, обещавшее ей стать жертвой многих ловушек на ее пути.

Это юное создание напоминало собой прелестных девственниц Рафаэля. Большие карие глаза, полные огня и ума, нежная ослепительная кожа, черты лица, словно вылепленные самим богом любви, чудесный голос, восхитительный рот и самые великолепные на свете волосы – вот весьма приблизительный набросок, который может изобразить наше перо. Пусть наши читатели поверят нам, что трудно найти существо более соблазнительное, более волнующее, чем четырнадцатилетняя Жюстина.

Обеим предстояло через сутки покинуть монастырь. Жюльетта попыталась осушить слезы, потоком льющиеся из глаз младшей сестры. Но вместо того чтобы утешать ее, она стала ее упрекать: обвинила ее в излишней чувствительности. Опираясь на весьма рациональную философскую базу, довольно неожиданную в таком возрасте, обличавшей в ней причудливые игры натуры, она уверяла сестру, что в этом мире ни о чем не надо скорбеть, что, во всяком случае, можно отыскать в самой себе такие чисто физические возможности, которые доставят столько плотских радостей, столь сильное наслаждение, что все печали забудутся, и надо испытать чудесные способы на практике, чтобы в этом убедиться. Подлинная мудрость, говорила она, состоит в том, чтобы все более увеличивать количество наслаждений, что нет ничего запретного, что, словом, нужно задушить в себе эту проклятую стыдливость, приносящую нам только печали.

– Смотри, – сказала она, бросившись на кровать и задрав перед глазами изумленной сестры выше пояса свою юбку, – вот что я делаю, когда мне становится грустно. Я пускаю в ход свой палец, я получаю наслаждение, и это успокаивает меня.

Добродетельная Жюстина содрогнулась от этого зрелища и поспешила отвернуться, а Жюльетта, продолжая изо всех сил натирать свой чудесный маленький холмик, не умолкая, убеждала сестру:

– Ты дура, Жюстина. Ведь ты гораздо красивее меня, а никогда не будешь такой счастливой!

При этих словах юная развратница застонала, и ее свежий сок полился так же обильно, как лились бы ее слезы, если бы она не прибегла к столь спасительной процедуре.

– Что ты беспокоишься, дурочка, – продолжала сладострастница, вновь устраиваясь подле младшей сестры, – с нашей внешностью и в таком юном возрасте мы никогда не умрем с голоду.

По этому случаю она рассказала Жюстине о дочери одного из соседей, которая, убежав из дому, сделалась богатой содержанкой и чувствует себя гораздо лучше, чем если бы она осталась в лоне семьи. Жюстину эта история заставила задрожать от испуга. Она призналась, что предпочла бы смерть бесчестью, а те несколько новых предложений, которые не преминула сделать ей сестрица, окончательно укрепили ее в решении навсегда покинуть ту, чье поведение внушало ей такой ужас.

На следующий день сестры расстались, даже не пообещав друг другу встречаться, – слишком различны были их дальнейшие намерения. Могла ли Жюльетта, которой предстояло стать гранд-дамой, согласиться принимать у себя столь добродетельную девицу, являющуюся для нее вечным укором? А как могла Жюстина рискнуть встретиться с той, которая посвятила себя беспутству и выставляемому на всеобщее обозрение разврату?

Теперь, с позволения читателя, мы покинем на продолжительное время юную потаскушку, чтобы представить глазам публики все те истории, которые приключились с нашей добродетельной героиней в ее странствованиях по морю житейскому.

Жюстина в детстве была весьма обласкана постоянной портнихой своей матери и не без оснований надеялась на помощь этой женщины. Она отыскала ее, рассказала о своем несчастье, просила у нее какой-нибудь работы... Ее едва узнали, она решительно была отвергнута.

– О Небо! – воскликнуло несчастное дитя. – Возможно ли, чтобы первые же шаги в жизни были столь неудачны!.. Эта женщина так сильно любила меня в детстве, почему же сейчас она отвергла меня? Неужели потому, что теперь я бедная сирота, что мне не на что поддерживать свое существование, а здесь ценят только тех, от кого надеются хоть что-нибудь получить.

Вся в слезах, направилась Жюстина к своему священнику. Она изобразила ему свое отчаяние со всей энергией и пылом юного возраста, и в этом отчаянии она была прелестна: легкое белое платье, роскошные волосы, живописно сбегавшие по плечам, прикрытым воздушной мадрасской косынкой. Опытный взгляд развратника мог без труда различить под газовой накидкой уже вполне развившуюся грудь. Лицо ее, чуть побледневшее вследствие печали, мучившей ее, слезинки, дрожавшие на ее ресницах, – невозможно было быть прелестней...

– Вы видите меня, сударь, – обратилась Жюстина к святому отцу, – да, вы видите меня в самом прискорбном положении: я потеряла обоих родителей; Небо отняло у меня их в том возрасте, когда мне более всего необходима их помощь, а умерли они совершенно разоренными. Вот все, что они оставили мне, – добавила она, показывая двенадцать луидоров. – У меня нет даже угла, где я могла бы преклонить свою голову. Вы ведь сжалитесь надо мной, сударь, не правда ли? Вы – служитель Церкви, а Церковь – прибежище и приют всех добродетелей. Во имя Бога, которому она служит и которого я обожаю всеми фибрами своей души, во имя Высшего Существа, чьим органом вы являетесь, скажите мне, мой второй отец, что мне делать и как мне выбиться в люди?

Внимательно разглядывая Жюстину, милостивый священник отвечал, что приход его очень перегружен, что дела идут слишком плохо, чтобы помочь Жюстине, но если она хочет служить и не чурается черной работы, то для нее всегда найдется на кухне кусок хлеба. Говоря все это, он осторожно поглаживал складку юбки Жюстины и так прикасался к ее ягодицам, что она, угадав его намерения, резко отодвинулась и воскликнула:

– Сударь, мне не надо ни милости, ни места служанки. Я пришла к вам за другой помощью, пришла за советами, в которых так нуждаюсь теперь, а вы хотите взять с меня за это слишком дорогую плату!

Служитель Христа, взбешенный тем, что его намерения разгаданы и отвергнуты, вскочил с места и громким голосом позвал свою племянницу и ее служанку.

– Вышвырните вон немедленно эту маленькую негодницу! – закричал он. – Вы не представляете, что она осмелилась мне только что предлагать. Столько порока в таком возрасте!.. И кому, мне, человеку... Пусть она убирается отсюда, пусть убирается, а не то я велю ее арестовать!

И несчастная Жюстина, отвергнутая, оклеветанная, обливаясь слезами, покинула дом презренного аббата. Побродив по улицам, она увидела дверь, на которой висело объявление, что на пятом этаже сдается небольшая комната. Она вошла в дом, заплатила аванс и, оставшись одна, залилась горячими слезами, и не только потому, что была чрезвычайно чувствительна, но и потому, что ее гордость в первый же день ее самостоятельной жизни была так жестоко оскорблена.

Но беды Жюстины не были исчерпаны этими огорчениями. В мире есть множество злодеев, которых не только не трогают страдания скромных девушек, а, напротив, лишь побуждают использовать в своих грязных целях их беды. Из всех разочарований, выпавших на долю

Жюстины в самом начале ее печальной истории, мы расскажем только об ее встрече с Дюбуром, самым богатым, но и самым жестоким из парижских откупщиков.

Квартирная хозяйка Жюстины направила бедную сироту к господину Дюбуру: такой богатый и благородный человек не может не помочь красивой девочке, оказавшейся в тяжелейшем положении. После долгого ожидания в прихожей Жюстину наконец ввели в кабинет. Господин Дюбур, маленький толстяк, бесцеремонный, как все финансисты, только что встал с постели, его то и дело распахивающийся халат прикрывал дезабилье – господин Дюбур ждал куафера.

– С чем вы ко мне пришли, дитя мое? – осведомился Дюбур.

– Сударь, – отвечала, скромно потупившись, наша простушка, – я бедная сирота, мне едва исполнилось четырнадцать лет, но я уже успела узнать всевозможные бедствия. Я взываю к вашему состраданию, заклинаю вас – пожалейте меня!

И, не переставая плакать, Жюстина стала подробно рассказывать явно заинтересовавшемуся ею старому злодею о всех своих неудачах при поисках места, не умолчав и о том омерзении, которое внушали ей некоторые предложения. Она закончила дрожащим голосом, что надеется, что такой богатый и щедрый человек, как господин Дюбур, несомненно, поможет найти ей средства к существованию.

Рассказ девочки привел Дюбура в возбуждение. Он покраснел, начал одной рукой раскрывать под полами халата свой вяло висевший член, другая же рука держала лорнет, направленный на прелести Жюстины.

Дюбур этот был закоренелый распутник, большой любитель юных девиц, щедро вознаграждавший женщин, поставляющих к его столу подобную дичь. С ними Дюбур осуществлял свои фантазии, которые были столь же жестоки, сколь и своеобразны: его единственной страстью было видеть доставшихся ему девочек в слезах. Надо признаться, добиваться этого он умел как никто на свете... У презренного плута имелось в запасе столько злодейских выходов, столько ядовитых поддразниваний, что бедным девчонкам трудно было удержаться от слез, и обрадованный Дюбур тут же добавлял к мучениям моральным плотские, – слезы лились еще пуще, и варвар наслаждался в полной мере, покрывая поцелуями заплаканное личико жертвы.

– Будете ли вы теперь благоразумны, чтобы добиться успеха? – строго спросил он Жюстину.

– Ах, сударь, – отвечала она, – если б я не была благоразумна, разве оказалась бы я теперь в таком положении? Нет, я бы не была уже ни бедной, ни отверженной.

– А чего же вы хотите от богатых людей, если вы сами ничем не собираетесь послужить им? – последовал новый вопрос.

– О сударь, мне ничего не надо, кроме того, чтобы получить службу, приличествующую моему возрасту и благопристойности!

– Да я вовсе и не говорю о службе! С вашей внешностью и в вашем возрасте к чему служить! Я говорю о том, что вы должны радовать мужчин. Какая польза от вашей хваленой добродетели? Ладан, который вы тщетно воскуряете перед этим алтарем, вас не накормит. То, что меньше всего ценится людьми в вашем поле, то, что они больше всего презирают, это как раз и есть так называемое благоденствие. Ныне, дитя мое, ценится лишь то, что приносит или доход, или наслаждение, а какой доход, какая радость от женской добродетели? Как раз отсутствие добродетели радует нас и привлекает. Люди моего сорта дают лишь для того, чтобы что-то получить за это. А чем такая молоденькая девица, как вы, впрочем, довольно некрасивая и к тому же глупая, может отплатить за все, что для нее сделают? Только тем, что полностью отдаст свое тело. Ну так подберите повыше ваше платье, если хотите получить от меня деньги.

Рука Дюбура потянулась к ляжкам Жюстины, намереваясь поудобнее устроиться между ними. Прелестное создание поспешно отшатнулось и воскликнуло со слезами:

– О сударь! Неужто и впрямь нет больше на свете порядочных и добрых мужчин?

– Бог весть, – живо откликнулся Дюбур, который при виде слез Жюстины ускорил темп движения руки, мастурбирующей под халатом. – Очень мало, если говорить правду. Теперь забывается манера помогать другим даром, теперь поняли, что радости благотворительности – это всего лишь сладострастие гордыни. Теперь хотят радостей более ощутимых, более материальных. Самое главное теперь – пользоваться плодами наслаждения.

– Боже мой! Значит, несчастные обречены на гибель?

– Эка важность! На свете и так много лишних ртов.

– Но как же должны будут дети относиться к своим родителям, если те станут рассуждать подобно вам? Может быть, слабых или больных лучше душить прямо в колыбели?

– А почему бы и нет? Этот обычай, кстати говоря, распространен во многих странах. Так было у древних греков, так происходит сейчас у китайцев. А для чего, к примеру, оставлять жить существо, подобное вам, которое не может надеяться на помощь своих родителей или потому, что лишилось их, или вообще никогда их не знало? Бастарды, сироты, уроды должны приговариваться к смерти сразу же после рождения; первые и вторые потому, что нет никого, кто бы мог о них позаботиться, и значит, эту заботу должно взваливать на себя общество, а последние потому, что ни на что не годятся. Общество должно поступать с ними как садовник поступает с засохшими, не приносящими плодов растениями...

И здесь Дюбур распахнул полы халата, скрывавшие до сих пор его манипуляции, и продемонстрировал Жюстине то, чего ему удалось добиться от своего сморщенного аппарата, которым он так долго занимался в течение всего предыдущего разговора.

– Ладно, – проговорил Дюбур, – хватит болтать о том, чего ты не понимаешь, и перестань жаловаться на судьбу: от тебя одной зависит поправить ее в свою пользу.

– Но какой ценой, Боже праведный?!

– Ничтожной... Всего-то нужно, чтобы ты подняла юбки, мне необходимо увидеть, что ты скрываешь под ними. Думаю, что ничего хорошего там нет, так что тебе не стоит так долго упрямиться. Давай-ка, черт возьми, решайся, у меня уже стоит... Мне надо увидеть тела... Немедленно, а то я рассержусь.

– Но, сударь...

– Перестань болтать, тварь бессмысленная, безмозглая шлюха, или ты думаешь, что с тобой я буду добрее, чем с другими?!

С этими словами разбушевавшийся распутник накинулся на Жюстину. Слезы потоком лились по ее лицу, и он слизывал эти драгоценные капли, словно росу с листьев розы или лилии. Затем, одной рукой задрав платье Жюстины, он пустил свою вторую руку в первый раз попутешествовать по тем ее прелестям, над которыми так старательно потрудились природа.

– Презренный человек! – воскликнула Жюстина. – Пусть Небо воздаст тебе однажды по заслугам за твою отвратительную черствость. Ты недостоин ни того богатства, которому ты нашел такое мерзкое употребление, ни даже воздуха, который ты оскверняешь своим дыханием. – И, собрав все свои силы, она вырвалась из рук Дюбура.

Вернувшись к себе, бедняжка не нашла ничего лучшего, как пожаловаться своей хозяйке на тот прием, который ей оказали в доме, рекомендованном с лучшей стороны этой почтенной дамой. Но каково же было ее удивление, когда вместо слов утешения она услышала жесточайшие упрёки.

– Идиотка несчастная, – возмутилась хозяйка, – уж не думала ли ты, что мужчины будут творить тебе милостыню, ничего не требуя взамен? Господин Дюбур поступил как надо. Черт меня побери, но я бы на его месте ни за что бы тебя так не отпустила. Ну что ж, раз ты не хочешь по-хорошему, пусть будет по-плохому. Ты мне немедленно заплатишь деньги или завтра же познакомишься с тюремной похлебкой. За тобой должок. Или ты платишь сегодня же, или завтра – тюрьма.

– Где же ваше милосердие, мадам?

– О да, милосердие! С твоим милосердием живехонько околеешь с голоду. Бог ты мой – почти пять сотен девиц доставила я этому доброму господину, и ты первая, которая сыграла со мной такую шутку! Что он теперь обо мне подумает! Какой позор! Он скажет, что я не знаю своего ремесла, он сообщит об этом другим. Нет, милочка, собирайся, надо вернуться к господину Дюбуру, надо его удовлетворить и принести мне деньги. Я встречу с ним, я его предупрежу, я исправлю твою дурость, а ты уж постарайся впредь вести себя как следует. Собирайся, я скоро вернусь.

Оставшись одна, Жюстина погрузилась в горчайшие размышления. «Нет, – глотая рыдания, сказала она себе решительно, – я не вернусь к этому распутнику. У меня хватит денег продержаться еще некоторое время. А там, может быть, я найду души не столь закоснелые в разврате, сердца менее черствые».

Она двинулась к комоду, чтобы пересчитать свои средства, открыла ящик... О Небо! Ее обокрали! Теперь у нее осталось лишь несколько монеток, лежавших в ее карманах, всего шесть ливров.

– Я пропала, – воскликнула несчастная. – Но я догадываюсь, кто нанес мне этот удар. Вот так, лишив меня всяких средств к существованию, недостойная женщина хочет заставить меня кинуться в пропасть греха... Но... – продолжала Жюстина. – Увы! А как же иначе я смогу теперь жить? В таком ужасном положении неужели лишь этот злодей или подобные ему только и могут помочь?

В отчаянии Жюстина спустилась к своей хозяйке.

– Мадам, – обратилась она к ней, – меня обокрали. И где? У вас, в вашем доме, где я доверчиво оставила свои деньги. Увы, больше у меня ничего нет; это было все, что оставалось у меня от покойного батюшки, и мне придется теперь только умереть. Верните мне деньги, мадам, я вас заклинаю!

– Нахалка! – не дала ей закончить хозяйка. – Да знаешь ли ты, что в моем доме ничего такого случиться не может! Сейчас же скажи, кого ты смеешь подозревать, а то сама сию же минуту окажешься в полиции. Меня там знают и уважают мой дом.

– Я никого не подозреваю, мадам. Я к вам пришла не с подозрениями, а с жалобами, с просьбами. В моем положении это понятно и простительно. Что же мне делать теперь, когда пропала моя единственная надежда?

– С тобой будет то, что будет, меня это не касается. Способ поправить твоё положение есть, но ты, видишь ли, от него отказываешься!

Эти слова погасили луч надежды в сердце Жюстины.

– Но, мадам, – отвечала плачем несчастная девочка, – я хочу честно зарабатывать свой хлеб. Разве я не могу пойти в служанки к кому-нибудь? Неужели, только преступив законы божеские и человеческие, можно добыть себе пропитание?

– Ну разумеется! Такова теперешняя жизнь. Да и что ты заработаешь служанкой? Десяток экю в год; как ты сможешь прожить на это? Поверь мне, милочка, что служанки все равно подрабатывают распутством, иначе они бы протянули ноги. Я-то знаю, немало их обращается ко мне. Посмотри на меня; не хвалясь скажу – я самая лучшая сводня во всем Париже. Каждый день не меньше двух десятков девиц прибегает к моим услугам. Это мне приносит... Да ладно. Словом, я уверена, что во всей Франции нет женщины, которая так хорошо знала бы это дело. Взгляни, – продолжала она, выложив перед Жюстиной пригоршню монет, – тут хватит и на драгоценности, и на роскошное белье, и на платье, и все это ты можешь заработать очень легко. А ты нос воротись... Черт побери, доченька, ведь это единственное стоящее ремесло для нашей сестры. Решайся! Поверь мне, тут нет ничего страшного... Тем более этот славный человек ничуть тебе не опасен. У него давно уже не стоит, как же он может е...? Ну ударит несколько раз по попке, даст пару-другую пощечин – вот и все его радости. А если ты будешь вести себя хорошо и он останется тобой доволен, я познакомлю тебя с другими богатыми ста-

ричками, и не пройдет и двух лет, как ты со своей фигурой и личиком сколотишь такое состояние, что будешь разъезжать по Парижу в карете.

– У меня не столь изысканные вкусы, – отвечала Жюстина. – Такая судьба не для меня, особенно если платить за это надо ценой спасения души. А я ведь хочу только одного: чтобы мне помогли как-нибудь не умереть с голоду. И тот, кто мне в этом поможет, пусть рассчитывает на любую мою благодарность. Прошу вас, мадам, удостойте меня вашим благоволением: пока я не нашла место, одолжите мне всего один луидор; я вам верну долг, поверьте мне, как только получу свой первый заработок.

– И двух су от меня не получишь, – проговорила мадам Дерош, весьма довольная зрелищем безнадежного положения Жюстины. – Двух су не получишь от меня задарма, а я предлагаю тебе гораздо большую сумму. Выбирай – или то, что я тебе предлагаю, или приют для потаскушек. Кстати, господин Дюбур – один из покровителей этого заведения, он очень легко может тебя туда определить. Здравствуй, душенька, – продолжала мадам Дерош, обращаясь к вошедшей в эту минуту высокой хорошенькой девице, явно пришедшей узнать о работе. – А тебе – до свидания, голубушка, и помни: завтра или деньги, или тюрьма.

– Ну что ж, мадам, – вздохнула Жюстина, – предупредите господина Дюбура. Раз вы ручаетесь, что он меня не обесчестит, я к нему приду. Приду. Мое положение не дает мне другого выхода, но знайте, мадам, что я никогда не перестану презирать вас за ваш поступок.

– Вот несносная девка, – проговорила Дерош, выпроводив Жюстину и закрыв за ней дверь. – Ты заслуживаешь того, чтобы я тебя бросила окончательно, но я делаю это не для тебя, я думаю о другом. А на твои чувства мне наплевать...

Перо наше не в силах описать ужасную ночь, проведенную Жюстиной в горестных размышлениях. Воспитанная в принципах веры, стыдливости и целомудрия, которые она буквально всосала с молоком матери, она не могла не думать о предстоящем ей испытании без душераздирающих сомнений. Перебирая в уме тысячи способов, которые помогли бы ей избежать бедствий мадам Дерош, и видя всю их бесполезность, она так и не заснула до утра. А утром в ее комнату вошла сама мадам Дерош.

– Поднимайся, Жюстина, – произнесла она тоном приказа. – Мы будем сейчас завтракать с одной моей приятельницей, и поздравь меня с успехом моей миссии: господин Дюбур, поверив в мое обещание, что ты будешь умницей, согласился тебя принять еще раз.

– Но, мадам...

– Давай, давай, собирайся, перестань глупить, шоколад уже готов. Иди за мной.

Жюстина покорно последовала за сводней: неосторожность – вечная компаньонка несчастья. Жюстина слышала только голос своей нищеты.

Очень миловидная женщина лет двадцати восьми ждала их за накрытым столом. Эта женщина, полная ума и изящества, глубоко развращенная и столь же богатая, сколь и любезная, столь же ловкая, сколь и красивая, вскоре, как мы увидим, станет надежной помощницей Дюбура в соответствующем духе.

Завтрак начался.

– Какая прелестная девчушка, – произнесла мадам Дельмонс, – можно от души поздравить того, кто будет ее обладателем.

– Вы так добры, мадам, – смущенно пролепетала Жюстина.

– Ну полно, сердце мое, – воскликнула мадам Дельмонс, – зачем же так краснеть? Стыдливость – ребячество, которое надо забыть, когда наступает зрелый возраст, возраст разума.

– О, я вас умоляю, мадам, – вмешалась Дерош, – помогите образовать эту девчонку: она считает себя погибшей оттого, что я подыскала ей солидного покровителя.

– Бог мой! Какая чудачка, – ответила Дельмонс. – Не вздумайте отказываться от этого предложения, Жюстина... Вы должны быть глубоко признательны тому, кто вам его делает. Какой чепухой, дитя мое, набита ваша голова! Разве может юное существо пренебрегать тем, у

кого оно вызывает страстное желание? Женское целомудрие, женское воздержание – эти добродетели не пользуются сейчас никаким успехом, никогда не признавайтесь в этом, глупышка. Когда страсти проснутся в вашей душе, вы увидите, что нам просто невозможно жить с такими взглядами. Зачем же женщине чувствительной, женщине страстной все время подавлять в себе эти чувства? Ведь все вокруг говорит ей о наслаждении жизнью. Не обманывайтесь, Жюстина, эти ваши добродетели могут только погубить вас, замучить, изнурить. А как приятно носить маску! Носите маску, умейте изображать себя – это все, что от вас требуется. Та из нас, которая получит репутацию кокетки, будет, конечно, не так довольна жизнью, как та, которая, занимаясь всеми видами разврата, слывет тем не менее женщиной благопристойной – вот подлинная удача в жизни! Значит, так называемая добродетель, целомудрие – это всего лишь эпитимия, наложенная на наш пол мужчинами. Я поясню это на своем примере, Жюстина. Вот уже четырнадцать лет, как я замужем; ни на минуту не теряла я доверия моего супруга, он всюду прославляет мою сдержанность, мою верность ему. А ведь я с самых первых дней супружества бросилась во все тяжкие и думаю, что вряд ли отыщешь в Париже вторую такую замужнюю даму. Не было дня, чтобы я не перепробовала по семь или восемь мужчин, причем иногда по трое зараз. Меня знают все парижские сводни, а мой супруг поклянется тебе, если ты его спросишь, что сама богиня Веста не была столь целомудренной, как я. Вот как ловко ношу я эту достойную маску. Я ненасытна, как Мессалина, меня зовут Лукрецией. Я безбожна не хуже Ванини, меня называют святой Терезой. Словом, я поклоняюсь всем мыслимым порокам, я плюю на все условности, но если ты спросишь обо мне кого-нибудь из моего семейства, тебе ответят: «О, Дельмонс – это ангел». Я – ангел, а ведь сам Князь тьмы знает, возможно, меньше пороков. Тебя пугает, ты говоришь, проституция? Какая чушь, дитя мое! Давай рассмотрим ее со всех сторон – чего же в ней страшного? Страшно то, что она делает юную девушку распутницей? Да ведь это означает всего-навсего уступку самым сладким движениям натуры! Ведь природа мудра, и если бы эти движения, эти помыслы были опасны, она бы и не знала их! Найдешь ли ты хоть одну женщину, которая ни разу в жизни не испытывала желания отдаться мужчине, желания настолько же непреодолимого, как голод и жажда? Вот я тебя и спрашиваю: разве природа может внушить женщине желание, которое было бы преступным? Хочешь рассмотреть этот вопрос с точки зрения отношения к обществу? Изволь. Я думаю, что вряд ли можно найти для того пола, который делит с нами весь мир, более приятное занятие, чем возлежать с молодой женщиной. И если все мы, весь наш пол оказался бы вдруг подвержен тем ложным взглядам, которые нам проповедуют ханжи и святоши, что прикажешь делать другой половине рода человеческого?

Что им останется, если они будут встречать постоянный отказ с нашей стороны? Собственный кулак или задница приятеля. Но ведь это же, вспомни, даже ты считаешь грехом! Ты станешь меня уверять, что все эти вопросы решаются в браке? Да, если решишься ограничить себя на всю жизнь одним мужчиной или одной женщиной. Но опять же с этим не согласна природа, и ты сама можешь легко найти примеры, подтверждающие это положение. Природа не терпит все эти глупые, несносные догмы, созданные нашей цивилизацией; слушать только ее голос – вот самый верный путь никогда не ошибаться в жизни! Словом, милая Жюстина, поверь той, которая обладает опытом и знаниями. Самая нужная вещь для девицы – уступать всем желаниям, которые внушает ей природа. Но разумеется, как я тебе только что говорила, надо при этом не забывать о внешних приличиях.

Вчера ты возмущалась теми предложениями, которые тебе дала наша добрая и умная мадам Дерош. Ах, душечка, а что мы могли бы делать без этих готовых к нашим услугам созданий? Есть ли во всем мире профессия более необходимая и более заслуживающая признания, чем профессия сводни? Ее уважали во все времена и у всех народов: греки и римляне возводили храмы богине сводничества, великий Катон был сводником у своей супруги, Нерон и

Гелиогабал в своих дворцах устраивали бордели. Вся природа – сводня. Словом, самое достойное занятие в жизни – уметь хорошо сводничать.

– Вы очень добры, мадам, – вмешалась в разговор Дерош, – так приятно слышать комплименты в свой адрес.

– О Боже мой, – воскликнула Дельмонс, – да я просто говорю то, в чем уверена всем сердцем и разумом. И совершенно искренне поздравляю Жюстину: ей удивительно повезло, что именно вы попались ей в начале ее карьеры. И пусть она смело следует вашим советам, мадам, пусть она слушает только вас, и я могу обещать ей самую легкую, самую приятную жизнь...

Стук в дверь прервал увлекательную беседу.

– Ах, – воскликнула Дерош, встречая гостя, – это тот молодой человек, о котором ты меня просила, Дельмонс.

При этих словах роскошный великан ростом в шесть с лишним футов, сложения Геркулеса и красоты Амура, появился в салоне.

– Он прекрасен, – воскликнула наша мудрая распутница, внимательно разглядывая вновь пришедшего. – Теперь надо бы проверить, действительно ли он так могуч, как обещает это его внешность. Ты видишь огонь в моих глазах, Дерош? Видишь, как они загорелись от предвкушения! Давно меня так не тянуло к мужчине, как в эту минуту. Клянусь Богом, – продолжала блистательная шлюха, бесстыдно целуя гостя, – нет больше сил терпеть!

– Надо было меня предупредить, – сказала Дерош, – я бы пригласила трех или четырех.

– Ладно, испытаем пока этого! – И, обняв одной рукой впервые увиденного ею юношу, бесстыдница другой принялась расстегивать его штаны, совершенно не обращая внимания на обомлевшую от ужаса Жюстину.

– Мадам, – пролепетала та, вся залившись краской, – разрешите мне уйти.

– Черта с два, – ответила Дельмонс. – Ни в коем случае. Дерош, не вздумай ее выпустить. Я хочу после теоретической лекции дать ей практический урок. Надо, чтобы она была свидетелем моих забав. Это уникальный случай как можно быстрее заставить ее войти во вкус. А ты, Дерош, ты-то постоянный свидетель моих безумств. Ты знаешь, как я люблю, чтобы ты исполняла свою роль до конца и буквально. Кому, как не сводне, сводить концы с концами! Ведь самое приятное для меня, душенька, когда ты своими руками вводишь в меня мужское оружие. А как ты меня ласкаешь во время любви, как трудишься над моим клитором, над моим задом! Без тебя мне и е... я не е...! Итак, к делу, милочка, к делу! А ты, Жюстина, усаживайся напротив и постарайся не пропустить ни одного движения.

– О мадам, – воскликнула сиротка сквозь слезы, – отпустите меня ради Бога! Поверьте, что зрелище, приготовленное вами для меня, внушит мне только отвращение.

Но Дельмонс, натура цельная и неумолимая, не хотела и слушать эти мольбы, а Дерош крепко держала Жюстину за руки.

Пришлось покориться. Действие началось.

Все подробности самого возбуждающего сладострастия были развернуты перед взорами нашего испуганного ребенка. Заменив Дерош, она принуждена была исполнять ее роль: схватить ужасающий член, едва уместившийся в обеих ее ладонях, приблизить его к жерлу Дельмонс, ввести его туда, да еще подвергаться, несмотря на всю гадливость, ласкам этой грязной распутницы. Дельмонс, изощренная в искусстве любви, увеличивала свое наслаждение, страстно целуя невинные детские уста, между тем как мощный атлет ударами своего чудовищного органа пять раз кряду повергал ее в сладостный обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.